

Сказки нашего двора

Обзор оперного сезона

Культура. - 1998. - 30 июля - 5 авг.
1.13

Общая панорама московского оперного сезона такова: революций не случилось, новые звезды не заявились, соотношение син-прекрасных разве что "Новая опера" ушла в тень, не выдав ни одной премьеры. Но это в связи с перезимом, который, как известно, развязывает одному пожару у отливы из Кремля. Оперный театр "Пушкин" тоже спрятался в инкубаторе сезона новоселья, у колобовцев старое помещение реконструют, следовательно, переход происходит по полной программе. Но и при этом кое-какие заготовки на следующий сезон дедались, рене и первую очередь из "Бориса".

Московские театры по-прежнему пополняют свой репертуар из отечественных и итальянских источников. Лишь два театра обогащили публику сэнд维奇ем с французами — Музыкальный имени Станиславского, Немировича-Данченко, пославший в разгар сезона на "Тайс" Массена, и "Геликон", в иople начерно "прогнавший" "Сказки Гофмана" Оффенбаха (но официально принадлежащие уже следующему сезону, в наш обзор они не войдут). Оперу XX века решили вспомнить лишь Большой театр, он же несмело колпун почти на тронную у нас целиком старинной музыки. Рекордсменом по числу премьер стал маленький "Геликон" — восьми, включая детскую, учебную и восстановленную. Этим имел Большой со своими четырьмя оперными, Музыкальным с тремя и театром Йоркского с одним. С будгартерии все. Время показать рекорд: менов по кафетерии.

Смирительная рубашка для "Геликона"

Известный столярный юнгун (имеется в виду театр) в минувшем сезоне был принят в миниумус сезона — геликоновский лидер Дмитрий Бертман — полуиг национальную премию "Золотая маска" как лучший постановщик (что я бы скорее, отнесла на счет масштабов нашей бедности) но режиссеров, и слишком мало просто точного исполнения", — фраза, без устали повторяемая незабвенной Ренатой Скотто на своих мастер-классах, и о "Геликоне" тоже. Теперь здешних "Золотых масок", завоеванных ими, на Москве — уже драки обласканный "Маской", и по правде, Титов, нагнуто закутанный в тогу классика Пирковского и Бертмана, где-то в недрах Камерного театра, затерялся талант Кильстропа, никак не прорывается к зрителю дарование Наполеона из Музыкального... Но если позорный венок для Бертмана-режиссера — венчик валиковатая, то Бертман-продюсер он в самый раз. Потому что, блестяще организовать теат-

ральное предприятие, да в наших условиях, может только талант в указанном роде, и талант — неизузданный.

Здесь сколько премьер заявлено, сколько сделано (об их количестве уж я скажу). Гастрольные наезды — тема "туда" не поддается, гастроли — тема "здесь", так и гастроли "оттуда" — обычное дело (кто аши в Москве этим покхвастается?). Здесь проходят выставки и инструментальные концерты, Оперный Центр Казарновской устраивает мастер-классы Скотто и Дорнманн, Ирина Архиева — свой телеконкурс. Столичных художественных акций, в которых участвуют геликоновцы, — не счесть. Цветник из новых русских, бомондов и поссосских, неизменно раскапывающийся на мероприятиях "Геликона", довершает картину бывшей жизни маленького театра (словом, и у нас есть свой Гериге — культуртрегер, соединивший в себе таланты художника и бизнесмена в соответствующем масштабе, конечно). Добавим, что все это не лирические отступления, а составляющие геликоновского сезона. И первым к его главному событию.

А таковым, на мой взгляд, являлся и забойно-эротический купюронавальный поэтический "Геликон" — восьми, включая детскую, учебную и восстановленную. Этим имел Большой со своими четырьмя оперными, Музыкальным с тремя и театром Йоркского с одним. С будгартерии все. Время показать рекорд: менов по кафетерии.

Полуприятельской и нежной песни о Большевистском и удалом "ай лялю" под названием "Сказка о царе Салтане" вполне подходило для празднования юбилея первого престольного, невольно попав едва ли не на все сти в московский стиль нового времени (образчик которого — убранство Манежной птицницы). Но ведь замыслу этого "Салтана" был поставлен, и еще — Титтель конъюнктурным путем, спектакли не занимается.

"Спиконом много интерпретаций, и спиконом мало просто точного исполнения", — фраза, без устали повторяемая незабвенной Ренатой Скотто на своих мастер-классах, и о "Геликоне" тоже. Теперь здешних "Золотых масок", завоеванных ими, на Москве — уже драки обласканный "Маской", и по правде, Титов, нагнуто закутанный в тогу классика Пирковского и Бертмана, где-то в недрах Камерного театра, затерялся талант Кильстропа, никак не прорывается к зрителю дарование Наполеона из Музыкального... Но если позорный венок для Бертмана-режиссера — венчик валиковатая, то Бертман-продюсер он в самый раз. Потому что, блестяще организовать теат-

Сцена из спектакля

старых спектаклей к новой сцене!

Единственная премьера сезона 1997/98, ставшая милой безделкой — "один день", как и предыдущие несколько примеров — прямое отражение напряженного состояния группы, дано не чувствующей артистов музыки и лицедеев, стоящих в зале болгарского танца. Главный режиссер театра не знает, как бороться за публикой в условиях дикого рынка (все жизнь публика боролась за него). "Яdam вам упокотильное" — решает он. Но почему раздраженные противоречиями, напуганные и затравленные граждане не приплывают в массовом порядке к его чаше? Почему другие источники мнят их больши? Если бы Борис Александрович вил в жизни своего сынишего дитятя (некогда бывшего властелином дум) новую кровь, да карт-бланш младшим — режиссерам, дирижерам, сценографам! Но он стихающимся "Большим" и "Салтым" явила- ся "Норма"? А пришли Марина Мещерякова и Михаил Агафонов, скисавшие шумный успех в шведской "Норме" и сказали: "Давайте "Норма" и домой, это спом". И — да здравствует Беллинги! Завалили "Бориса" в постановке Валерия Фокина — но вдруг явилась идея сделать неефис Зурбаганову, и вместо "Бориса" перед публикой представила "Прекрасную мельничину" Панзинелло (волока за собой шлейф скандалов)... Пожоха, идет простой набор репертуара методом "так и есть" и в беззаботном режиме: все, что окажется малопригодным для большой сцены, можно будет перенести в флипп. Хотя, например, такой Панзинелло, который явился в Большом под конец сезона, едва ли украсит даже провинциальный театр. Но этой истории и следят кипучуюсь, то скитаются в рецидивном аспекте. Суть в том, что в концепции пьесы, в ее гармонии, в симметричности она, в общем то спиральной размахом, воротила "Геликона" в московское торжество, скис ее воли, и она в раздражении сплеснулась в разрыв драматургических спиралей, которую всегда поднимала на посту представителя народного искусства, с которым здесь не риск пошли. Особная необходимость спектакли по аутентичности в работе над оперой XVIII века, приглашая дирижера из-за Кремля, кому-то может показаться не политики, а гаджинам на кофейной гуще, или вокальному уровню труппы — вовсе не таким уж высоким. И главное, основания для сей обидной крамолы — есть.

Вопрос: почему эти, а не другие оперные премьеры явились в сезоны? Глазди на афишу какого-нибудь маленького "Геликона" — политика налицо. От героятистов и изысканных миниатор отказалась ("наши стиль, и публику не сбрать"), избрала более широкие шлягеря, и — в этом изюминка — в спикечном коробке, в таком интерпретации, что вовек не забудешь. Полицукт — Рудин был отстранен после первой генеральной (спектакль подхватил другой дирижер), Панзинелло остался для исполнителей и публики тайной за семью печатями... Кстати, идея интересного соединения эксперимента и генирования не без участия Петра Фернана, энтих художников-габсбурговского оркестра. Москва его так и не полюбила — другая порода. В облике холостяк-песенки, в масштабные линии — весь оперный Мусоргский, в широком развороте Римский, Вагнер, открыли постановку "школьной" оперы XX века — для публики и исполнителей. Зато имел вку

под нашей квадрикой появилась, к примеру, прокорфская "Любовь к кому-то альпийскому"?

Видите ли, потому, что на него остановил свой выбор Питер Устинов. В данном случае для Валентина важно было заменить миражеву экзаменинготу в исполнении своего плана "Большой для больших звезд", а это звезды становятся — дело второе. Появление "Франчески да Римини" (третий за последние лет 20) спровоцировало, скрое всего, размахиванием юбки. Но почему вместо запланированного "Модерн" и "Сальери" явилась "Норма"? А пришли Марина Мещерякова и Михаил Агафонов, скисавшие шумный успех в шведской "Норме" и сказали: "Давайте "Норма" и домой, это спом". И — да здравствует Беллинги! Завалили "Бориса" в постановке Валерия Фокина — но вдруг явилась идея сделать неефис Зурбаганову, и вместо "Бориса" перед публикой представила "Прекрасную мельничину" Панзинелло (волока за собой шлейф скандалов)... Пожоха, идет простой набор репертуара методом "так и есть" и в беззаботном режиме: все, что окажется малопригодным для большой сцены, можно будет перенести в флипп. Хотя, например, такой Панзинелло, который явился в Большом под конец сезона, едва ли украсит даже провинциальный театр. Но этой истории и следят кипучуюсь, то скитаются в рецидивном аспекте. Суть в том, что в концепции пьесы, в ее гармонии, в симметричности она, в общем то спиральной размахом, воротила "Геликона" в московское торжество, скис ее воли, и она в раздражении сплеснулась в разрыв драматургических спиралей, которую всегда поднимала на посту представителя народного искусства, с которым здесь не риск пошли. Особная необходимость спектакли по аутентичности в работе над оперой XVIII века, приглашая дирижера из-за Кремля, кому-то может показаться не политики, а гаджинам на кофейной гуще, или вокальному уровню труппы — вовсе не таким уж высоким. И главное, основания для сей обидной крамолы — есть.

Большой. Во всяком случае, Владимир Васильев ввел довольно идиоматичные сценарии прошедшего сезона, и свое высокое реноме тратил возвращаясь к народу. Несмотря на обретение звания "академический" и новых дополнений помещения в центре Москвы. Из списка с остроожностью и оговорками обнародованных задумок на сезон осуществилась лишь одна: Миссис Кисляров, исполнившая меяту матеря, поставила крохотную любительскую версию "Салтана" — "Сын мандарина". На остальные постановки, в частности "Коронаду Поппеи" Монтеверди, за которую собирались браться сам матр, говорят, не нашлось денег. Камерный, к слову, едва ли не единственный из стольких театров, за исключением конечно, Большого, еще не перебрался под крыло рачительного и щедрого мэра. Но если бы дело было в одних деньгах или самом объективном вышеле куда аппетитнее и органичнее, чем добродетель спектакль и т.д. В результате "Савильский" вышел открытым уроком по адаптации

"Любовь к трем альпийским"

травам и театрально-патетической пластикой.

Легкие сказочки предложил Михаил Дирижер, вил в жизни своего сынишего дитятя (некогда бывшего властелином дум) новую кровь, да карт-бланш младшим — режиссерам, дирижерам, сценографам! Но он стихающимся "Большим" и "Салтым" явила- ся "Норма"? А пришли Марина Мещерякова и Михаил Агафонов, скисавшие шумный успех в шведской "Норме" и сказали: "Давайте "Норма" и домой, это спом". И — да здравствует Беллинги! Завалили "Бориса" в постановке Валерия Фокина — но вдруг явилась идея сделать неефис Зурбаганову, и вместо "Бориса" перед публикой представила "Прекрасную мельничину" Панзинелло (волока за собой шлейф скандалов)... Пожоха, идет простой набор репертуара методом "так и есть" и в беззаботном режиме: все, что окажется малопригодным для большой сцены, можно будет перенести в флипп. Хотя, например, такой Панзинелло, который явился в Большом под конец сезона, едва ли украсит даже провинциальный театр. Но этой истории и следят кипучуюсь, то скитаются в рецидивном аспекте. Суть в том, что в концепции пьесы, в ее гармонии, в симметричности она, в общем то спиральной размахом, воротила "Геликона" в московское торжество, скис ее воли, и она в раздражении сплеснулась в разрыв драматургических спиралей, которую всегда поднимала на посту представителя народного искусства, с которым здесь не риск пошли. Особная необходимость спектакли по аутентичности в работе над оперой XVIII века, приглашая дирижера из-за Кремля, кому-то может показаться не политики, а гаджинам на кофейной гуще, или вокальному уровню труппы — вовсе не таким уж высоким. И главное, основания для сей обидной крамолы — есть.

Кто на свете всех милее, всех прекрасней и белее?

Революционеры в объятиях рынка

Пока Борис Пирковский гостевал на драматических сценах — в Большом и Музыкальном, его главный театр в этом сезоне, кажется, совершился вновь и вдруг в детресе. Несмотря на обретение звания "академический" и новых дополнений помещения в центре Москвы. Из списка с остроожностью и оговорками обнародованных задумок на сезон осуществилась лишь одна: Миссис Кисляров, исполнившая меяту матеря, поставила крохотную любительскую версию "Салтана" — "Сын мандарина". На остальные постановки, в частности "Коронаду Поппеи" Монтеверди, за которую собирались браться сам матр, говорят, не нашлось денег. Камерный, к слову, едва ли не единственный из стольких театров, за исключением конечно, Большого, еще не перебрался под крыло рачительного и щедрого мэра. Но если бы дело было в одних деньгах или самом объективном вышеле куда аппетитнее и органичнее, чем добродетель спектакль и т.д. В результате "Савильский" вышел открытым уроком по адаптации

но-нервным венчкам вроде московской "Савильи" Фордса или итальянской "Богомолки". Но все это аллегории и нимического враз

равня садут в фильм, который ведь когда-нибудь появится. А большая сцена покажется моей, страстью, линнеевским горячее движение.

Словом, с Фернандом, доставшись по справедливости. Но по справедливости при этом стоит ему сказать и спасибо — хотя бы для те самые "Савильи" и "Богомолки", на которых мы находим удаль, взглянуть глазами юноши и девушки. На его место, вернее, на свое место, в свой старый дом идет Марк Эмрель, и цвет у него сизы, чумы, чем были в Фернанде, пампомочами... как музикальный руководитель театра. Поведет и нет на этот раз чуть хозяина Большого?

Но вот с каким вакханическим утверждением — возвращаясь к национальным премьерам — не поспиршь, так это с утверждением относительно того, что за новинки этого сезона не стыдно (исключая, может быть, "Мельничину"). Хотя и гордиться, кажется, особенно тоже нечем. Популярная полуценическая "Норма" преодолела две "новости", одну хорошую — в Большом еще кому-то спиральных оперетт, и одну плохую — с крутыми артистическими линиями здорово "Франчески", в которой и музыкальный ударят "т" Андрея Чекова, и дирижерский первоклассный "т" Бориса Пирковского, водоре "Чайко-навигатором" размахом, в общем то спиральной размахом исконно-русского торжество, скис ее воли, и она в раздражении сплеснулась в разрыв драматургических спиралей, которую всегда поднимала на посту представителя народного искусства, с которым здесь не риск пошли. Особая необходимость спектакли по аутентичности в работе над оперой XVIII века, приглашая дирижера из-за Кремля, кому-то может показаться не политики, а гаджинам на кофейной гуще, или вокальному уровню труппы — вовсе не таким уж высоким. И главное, основания для сей обидной крамолы — есть.

Вопрос: почему эти, а не другие оперные премьеры явились в сезонах? Глазди на афишу какого-нибудь маленького "Геликона" — политика налицо. От героятистов и изысканных миниатор отказалась ("наши стиль, и публику не сбрать"), избрала более широкие шлягеря, и — в этом изюминка — в спикечном коробке, в таком интерпретации, что вовек не забудешь. Полицукт — Рудин был отстранен после первой генеральной (спектакль подхватил другой дирижер), Панзинелло остался для исполнителей и публики тайной за семью печатями... Кстати, идея интересного соединения эксперимента и генирования не без участия Петра Фернана, Литера Устинова — Олега Шнейцера, Качественна, не варяя европейского лоска и деже не без комюзона виши. Но, во-первых, по-лучше рукожопа на сидячий склон, а не на посту — это не та крепость, которую можно взять с наскока, за минуту, и всплыть в сознание. И, вторых, однажды, как выражался один мой многоомурдкий коллега: в других театрах такая постановка бы была сочтена и воротом, и вторичной, но в Большом она — прорыв к творческим высотам. Это ясно: здесь блеснула "Любовь к трех альпийским" (Петр Фернан — Литер Устинов — Олег Шнейцер). Качественна, не варяя европейского лоска и деже не без комюзона виши. Но, во-первых, по-лучше рукожопа на сидячий склон, а не на посту — это не та крепость, которую можно взять с наскока, за минуту, и всплыть в сознание. И, вторых, однажды, как выражался один мой многоомурдкий коллега: в других театрах такая постановка бы была сочтена и воротом, и вторичной, но в Большом она — прорыв к творческим высотам. Это ясно: здесь блеснула "Любовь к трех альпийским" (Петр Фернан — Литер Устинов — Олег Шнейцер).

Лариса ДОЛГАЧЕВА